

Комиссия не тянула с этим делом, она знала о нем еще из газет. Мнение у нас было однозначным, мы рекомендовали Президенту помиловать Воронцова и заменить ему смертную казнь тюрьмой. Понимали, что это больной человек. Корень от корня прошлой системы, он хотел при помощи зла сделать добро.

Но это был период, когда бюрократический аппарат уже подмял под себя власть, и наши дела попадали к Ельцину с бумажечкой, которую писали люди из его окружения.

Она ложилась поверх наших решений и была сама решением. Президент написал: «Воронцову смертную казнь».

А. Латынина

УБИЙЦА И МСТИТЕЛЬ

Программу Савика Шустера «Свобода слова» (15 февраля) я собиралась смотреть «вполглаза» — бросая взгляд на экран меж ужином и мытьем посуды.

Вялотекущая дискуссия о преступности и смертной казни идет в обществе уже несколько лет, точки зрения определены. Что приковало к экрану — так это горе конкретного человека. У отца убили дочь и ее жениха, оба студенты. Убийцы найдены. Но, как сказал отец, отчаяние охватывает оттого, что мерзавцы могут уйти от наказания. Таких преступлений — тысячи по России (прозвучала цифра — 30 тысяч убитых за прошлый год). Но ягнята, как известно, молчат. Отцом убитой девушки оказался университетский профессор, декан социологического факультета МГУ Владимир Иванович Добреньков, обратившийся к Президенту с просьбой восстановить смертную казнь («Время МН», 15 февраля).

Доводы профессора Добренькова, впрочем, никого не интересовали. Разговор покатился по накатанной колее.

Белой вороной оказался, как всегда, Станислав Говорухин, высказавшийся за отмену моратория. Ему возражали, говоря, что во всех «цивилизованных странах» смертная казнь, пережиток варварства, отменена, что жестокость ведет лишь к росту преступности, апеллировали к гуманизму, праву, Богу и Совету Европы.

А мне запомнились полные тоски глаза несчастного отца, которому все объясняли, что государство не должно мстить преступнику и не имеет права лишать его жизни (права его убитых детей в расчет как-то не брались). И я остро пожалела, что игра идет в одни ворота и что нельзя поставить туда вратарем ну если уж не Канта с Гегелем (находящих нравственным принцип «смерть за смерть»), не Солженицына с Лихачевым (слишком хорошо знающих историю террора и методы борьбы с ним), то хоть Валерию Ильиничну Новодворскую. Не испытывая особой симпатии к экстремистскому типу мышления и поведения Новодворской, я была несказанно поражена два с лишним года назад ее темпераментной статьей (Иностранец. 1999. № 28) касательно смертной казни, ехидно высмеивавшей российские интеллигентские предрассудки и общие места европейской политкорректности, стенания американской прессы по поводу казни раскаявшейся преступницы и обеспокоенность Совета Европы судьбой кровавого курдского лидера Оджалана, на счету которого 30 тысяч трупов. «Как люди мы не можем убивать себе подобных даже по приговору суда. Но люди, сталкивающиеся со зверями в темном общественном лесу, могут ли они обезопасить себя от зверей или должны культивировать зверинцы? Ибо тот, кто убил беззащитного, малолетнего, изнасиловал ребенка или пытал — человеком уже не будет. Другой вид. Йеху». Лихо.

Литература, пронизанная «гуманистическими принципами», подобных высказываний себе не позволяла. Для нее — все люди равны, а преступник априори достоин жалости. Может, поэтому среди главных аргументов противников смертной казни — тот, что на протяжении двух веков литература Европы и России боролась за ее отмену.

Действительно, примеров тому хоть отбавляй. Виктор Гюго с пронзительным состраданием к обреченному челове-

ку описывает последний день приговоренного к смерти. Тургенев, стоя на Рокетской площади в Париже, около гильотины, наблюдает казнь Тропмана, хладнокровно вырезавшего большую семью (двое мужчин, беременная женщина и пятеро детей), чтобы потом доставить «несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере отмены ее публичности». Толстой в 1908 году, в разгар военно-полевых судов, обращается к власти с воззванием «Не могу молчать», требуя немедленно прекратить правительственное насилие, которое лишь умножает насилие революционное. Леонид Андреев в «Рассказе о семи повешенных» с сочувствием рисует террористов, отблеск жертвенности которых падает и на лихого разбойника, и на туповатого убийцу — невольных соседей по виселице (напрашивается аналогия — по кресту).

Но тот же Гюго, почти одновременно с «Последним днем приговоренного к смерти» (1830 год), сочиняет драму «Эрнани», герой которой делом своей жизни считает месть за убийство отца. И автор вполне сочувствует этому «священному» долгу. Короленко, публично протестовавший против смертной казни, пишет рассказ «Из записок сибирского туриста», главный герой которого — благородный «убийвец-мститель», избавивший мир от злодея. Достоевский, единственный из писателей, который пережил то, что нафантазировал Гюго, испытал ощущения человека, стоящего на эшафоте, заставляет кроткого Алешу Карамазова в ответ на вопрос брата, что делать с генералом, затравившим псами восьмилетнего мальчика, тихо и решительно ответить: «Расстрелять». Примеры можно множить и множить. Отношение литературы к убийству и возмездии за него — по меньшей мере амбивалентно.

Мсть — один из архетипических сюжетов мировой культуры, и ни в античную эпоху, ни в средние века, ни в Новое время литература не осуждает мстителя. Эринии преследуют убийцу.

Шекспир, свидетель эпохи жестоких публичных казней, все же заставляет своего Гамлета мучиться и колебаться — нужно ли убивать убийцу отца? Современная же

массовая культура эпохи Совета Европы право на месть никогда не ставит под сомнение.

А пока на одном телевизионном канале гуманисты доказывают, что даже у маньяка-потрошителя нельзя отнимать жизнь, на другом канале европейские и голливудские кинозвезды взрывают людей, дома, автомобили, стреляют из пистолетов, револьверов, арбалетов и гранатометов в ненавистные тела врагов, мстя за убийство детей, друзей, братьев, сестер, родителей, и всегда сюжет выстроен так, что разлетающиеся на куски тела злодеев рожают удовлетворенное чувство торжества справедливости.

Странная получается вещь. Протестуя против смертной казни как института, искусство склонно признать право отмщения за отдельным человеком. Но государство развивалось прямо противоположным образом — отвергая право частного человека на кровную месть и присваивая себе прерогативу на насилие. И массовая культура, скорее всего, просто обнажает подсознание общества, в котором дремлет вытесненный современным правом вопрос: проявляя гуманность по отношению к преступнику, не проявляем ли мы жестокость и равнодушие по отношению к жертве?

А. Чанышев

ЮРИДИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

Юридическая мудрость состоит в умении находить наказание, адекватное преступлению.

Преступник преступает, переступает через юридический закон. Переступающий через нравственный закон — не преступник, он просто подлец. Уголовной ответственности не подлежит. Только общественному презрению. Но для это-